

Мысли о Россіи

(О «Возрожденіи» и возвращенствѣ).

Послѣдніе мѣсяцы внутренней жизни эмиграціи прошли подъ знакомъ двухъ дискуссій : «Возрожденской» — о необходимости всемигрантскаго объединенія для окончательнаго наступленія на большевиковъ, и «возвращенской» — о необходимости всеэмигрантскаго примиренія съ Совѣтской Россіей.

Несмотря на непримиримость позицій Струве, убѣжденнаго, что Россіи не расцвѣсти, если мы не начнемъ завтра-же упорно «гнать» въ монархическихъ парникахъ «державный корень», и Пѣшехонова, увѣреннаго, что мы неминуемо сами заявемъ и засохнемъ, если не попытаемся, пока еще не поздно, пустить корни въ Совѣтской Россіи, — между обоими глапатаями послѣдняго часа и предѣльнаго рѣшенія есть все-же нѣчто общее. Это общее — *патріотическая настроенность* обоихъ авторовъ. Монархистъ Струве проповѣдуетъ прежде всего не монархію, а родину, и социалистъ Пѣшехоновъ тяготеетъ къ Совѣтской Россіи не какъ къ Россіи всетаки социалистической (точка зрѣнія близкая нѣкоторымъ европейскимъ социаль-демократамъ), а исключительно только какъ къ Россіи, переживающей свой большой историческій часъ. Конечно, патріотизмъ Струве и по своему духовному содержанію, и по своей стилистикѣ совсѣмъ не похожъ на патріотизмъ Пѣшехонова, но все же и Струве и Пѣшехоновъ ощущаютъ и утверждаютъ себя какъ патріоты.

Струве готовится къ великому историческому подвигу : точить державные штыки объ ученя формулы (не тушить ли формулы о штыки?); — Пѣшехоновъ хлопочетъ по домашности. Къ Струве — не подходит : онъ при исполненіи служебныхъ обязанностей и явно виѣ себя, виѣ логики своей судьбы, своего прошлаго, — къ Пѣшехонову не подойдешь : разговариваетъ онъ, правда, спокойно, очень вразумительнымъ говоркомъ, а все кажется будто онъ чего-то не договариваетъ. У Струве патріотизмъ вылаетъ въ сердца и умы; — у Пѣшехонова сосетъ подъ ложечкой. Струве мужъ, который хочетъ бытія своей родины и ощущаетъ эту родину весьма торжественно, какъ тропь и ал-

тарь; Пѣшехоновъ же скорѣй мужичекъ, которому захотѣлось побывать на родинѣ, посидѣть на заваленкѣ, послушать колокольный звонъ.

Несмотря на всю эту стилистическую и эмоціональную разницу между патриотизмомъ Струве и Пѣшехонова, оба политика одинаково искренне (не будемъ въ этомъ сомнѣваться) утверждаютъ Россію, какъ верховную идею эмиграціи и тѣмъ самымъ согласно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ сильно растетъ сейчасъ во всѣхъ русскихъ людяхъ національное чувство, а съ другой — что его одного мало въ дѣлѣ борьбы противъ большевиковъ.

**

Двѣ любви безсмертны въ душѣ человѣка. Первая — это любовь къ своей землѣ, къ своему дому, къ своему порогу — къ своей родинѣ. Вторая любовь — это любовь къ чужому небу, къ вольной дали, къ пути-дорогѣ — къ чужбинѣ. При всей противоположности обѣихъ любей, онѣ, какъ всѣ противоположности, тѣсно связаны другъ съ другомъ. Только изъ родного угла можетъ сердце предѣльной тоской вдругъ ветосковать о дали; и только въ скитаніяхъ обрѣтаемъ мы домъ. Сложная диалектика этихъ чувствъ безконечно усложнена сейчасъ въ душахъ русскихъ людей. Обѣ любви слиты въ насъ въ одну недѣлимую. Россія всѣмъ намъ сейчасъ и домъ и даль, и порогъ и дорога; мы чувствуемъ ее и какъ родину на чужбинѣ и какъ чужбину на родинѣ, любимъ ее потому новою, страстною, тоскующей любовью.

Какъ внѣшняя жизнь, какъ бытъ, она у всѣхъ насъ отнята, но тѣмъ самымъ она только глубже дана намъ какъ наше внутреннее бытіе. Скрытая отъ нашихъ глазъ какъ явленіе пространственной трехмѣрности, загнанная въ два измѣренія внутренняго міра и какъ бы не помѣщающаяся въ немъ, Россія переполняетъ наши души той безконечной тоской по себѣ, въ свѣтѣ которой идея родины и патриотизма приобрѣтаютъ новый, религіозный смыслъ.

Сейчасъ, когда на Россію направлены самыя темныя, самыя злыя силы міра, — когда уничтожено само имя Россіи, — идетъ борьба съ ея церковью, культурой, — насильственно перекраивается пластическій образъ ея душевной и бытовой жизни, любовь русскихъ людей къ родинѣ перестаетъ быть только естественнымъ чувствомъ, только лирикой воспоминаній, сейчасъ она превращается въ нѣчто гораздо большее, въ духовный актъ спасенія лица и бытія Россіи отъ большевицкой воли къ ея духовному небытію; Бытіе и любовь связаны между собою глу-

божайшею метафизическою связью : только гѣмъ и держится міръ, что онъ любимъ Богомъ, и только потому дьяволъ и есть небытіе, что онъ при всѣхъ своихъ соблазнахъ пикѣмъ не можетъ быть любимъ.

Въ свѣтѣ этой новой горячей, патріотической любви у многихъ русскихъ людей невольно измѣняется отношеніе къ отошедшей Россіи. Страданія, которыя она приняла за грѣхи свои, создаютъ вокругъ нея ореолъ мученичества. Темныя стороны ея какъ-то невольно ступешиваются въ памяти. Зато пластическій рельефъ ея природно-культурнаго и житейски-бытового облика приобрѣтаетъ магическую власть надъ душою.

Въ этихъ высвѣтляющихъ процессахъ памяти явно таится большая опасность трагического омраченія нашего политическаго сознанія (Струве, Ильинъ, Карташевъ), но въ нихъ же раскрывается и очень существенная правда.

Направленная на сверженіе «старога режима» творческая воля русской революціи, естественно, не могла быть къ нему абсолютно справедлива. Правильно чувствуя, что Россія переросла царскій режимъ, революціонная воля быть можетъ недостаточно чувствовала ту историческую даль, изъ которой онъ выросъ. Справедливо борясь противъ «помѣщичьяго феодализма», она часто несправедливо забывала, что съ помѣщичьимъ феодализмомъ какъ-то связана русская культура: помѣщичья философія и помѣщичья литература. Тысячу разъ правая въ своей защитѣ «соціальныхъ низовъ» и «національныхъ меньшинствъ» она все же явно недооцѣнивала страшной, съ первыхъ же мѣсяцевъ революціи обнаружившейся трудности соединенія этого равенія на «низы» и «меньшинства» съ ревностнымъ служеніемъ тому російскому великодержавію, въ которомъ, очевидно, заключался историческій смыслъ миновавшей эпохи.

Насколько эта несправедливость въ процессѣ подготовки революціи была неизбежна, а потому въ извѣстномъ смыслѣ и права, настолько же она сейчасъ, послѣ того, какъ революція совершилась, и излишня, и вредна. Долгіе годы вся оппозиціонная Россія только и жила ожиданіемъ смѣны политической формы правленія; теперь, когда смѣна какъ никакъ все же произошла, наше вниманіе естественно направляется на то вѣчное содержаніе Россіи, во имя котораго она въ сущности происходила. Соціально-политическій интересъ невольно замѣняется національно-культурнымъ.

Нынѣ мы отчетливо сознаемъ, что политическая революція въ своемъ безудержѣ смела на своемъ пути много такихъ духовныхъ и культурныхъ цѣнностей, на которыя она *никогда не послала*;

чувствуемъ, что социальнo-политическая революція сможетъ остаться, или вѣрнѣе, снова стать полною правдою только въ томъ случаѣ, если во многихъ отношеніяхъ ущербное сознаніе русской революціонной интеллигенціи осилить и осознаетъ свой возвратъ на родину къ національнымъ и религіознымъ корнямъ русской культуры.

*

**

П. Б. Струве неустанно проповѣдуетъ триумфъ : необходимость объединенія всѣхъ эмигрантскихъ *силъ* для борьбы противъ большевиковъ и упорно не понимаетъ П. Н. Милloкова, будто бы доказывающаго парадоксъ : побѣда надъ большевиками лучше всего обеспечивается распыленіемъ борющихся противъ нихъ силъ. Неизбѣжная неряшливость газетнаго словоупотребленія и стилистика газетной полемики безнадежно запугиваютъ споръ : — спорить же по существу не о чемъ. Ясно, что объединеніе *силъ* въ борьбѣ противъ общаго врага желательнo, распыленіе же вредно.

Но изъ этого «разительно яснаго» положенія Струве совсѣмъ не слѣдуетъ, что демократическая Россія что либо выиграла бы объединившись въ своей борьбѣ противъ большевиковъ съ Россіей великаго князя Николая Николаевича и Струве. Наоборотъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что она ничего не выиграла бы и очень многое проиграла бы, проиграла потому, что Россія, защищаемая «Возрожденіемъ» и организуемая «Зарубежный сѣздъ», представляетъ собою такой явный перевѣсъ неправды надъ правдою, а потому въ послѣднемъ счетѣ и безсилія надъ силою, что объединеніе съ нею, какъ съ опредѣленнымъ *политическимъ* теченіемъ и опредѣленнымъ кругомъ всѣхъ извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей никоимъ образомъ не можетъ разсматриваться какъ объединеніе съ борящеюся противъ большевиковъ *силою*.

Для выясненія этой мысли необходимо прежде всего провести рѣзкую грань между идеологіей *консерватора* (типъ въ Россіи отсутствующій, но Россіи нужный) и эмоціей *реакціонера* (типъ очень вредный, но зато въ изобиліи имѣющійся въ эмиграціи). Установить различіе между консерваторомъ и реакціонеромъ нетрудно. Консерваторъ — защитникъ *вѣчной правды прошлаго*, реакціонеръ — защитникъ *прошлаго, какъ такового*, въ всякаго отношенія въ вѣчности и правдѣ. Для реакціонера революція потому всегда и при всѣхъ условіяхъ неприемлема, такъ же, какъ контръ-революція всегда мила. Для консерватора

дѣло обетовать сложить. Въ минуты, когда для сохраненія «силы, славы и чести» родины не остается никакого другого средства, кромѣ революціи, консерваторъ, хотя и скрѣпя сердце, все же становится революціонеромъ.

Февральская революція — величайшее доказательство правдивости этого тезиса. Въ мартовскіе дни правые, вплоть до великихъ князей, неожиданно оказались чуть-ли не впереди солдатъ и рабочихъ въ дѣлѣ низверженія царскаго строя.

Что революція въ своемъ поступательномъ движеніи должна была *этихъ* «революціонеровъ поневолѣ» разочаровать и оттолкнуть отъ себя, вполне естественно и понятно. Понятно потому какъ духовное, такъ и политическое расколѣніе, которое время внесло и должно было внести въ среду и въ души воспріимчивыхъ февральской революціи. И все же вся эта неизбежная дифференціація и правая борьба, быть можетъ, могла бы не исключать, по крайней мѣрѣ, временнаго и духовнаго объединенія всѣхъ противобольшевицкихъ силъ, если бы правые въ своей ненависти къ революціи не доходили бы до полного забвенія своей роли въ ней, и что еще хуже, до полной утраты своей нравственной и политической отвѣтственности и за нее и передъ нею; если бы они изъ консерваторовъ на часъ не превратились бы уже давнымъ давно въ реакціонеровъ на вѣкъ. Неужели же не понимаетъ, вѣрнѣе, не чувствуетъ П. В. Струве, такъ упорно настаивающій на идеѣ единаго фронта, что передъ тѣмъ, какъ проповѣдывать ее демократической эмиграціи, онъ долженъ былъ бы озаботиться тѣмъ, чтобы въ душахъ опекаемыхъ имъ правыхъ возстановился тотъ революціонный фронтъ, на которомъ они, оставаясь консерваторами, встрѣтились въ 1917 г. съ либералами и социалистами? Что политически бессмысленное объединеніе отвлеченно мыслимо лишь на основѣ безоговорочнаго признанія исторической и нравственной правды *миа* мартовской революціи. Этотъ общій знаменатель антибольшевицкаго объединенія данъ самой исторіей и *никакого другого выдумать нельзя*. Объединяться же для борьбы противъ большевиковъ съ людьми, отрицающими не только ложные пути, по которымъ пошла революція, но и всякую правду за той самой революціей, въ которой сами же принимали участіе, которую провозглашали и даже превозносили, значитъ опредѣленно объединяться съ людьми, отрицающими самихъ себя, съ людьми, которыхъ духовно *нѣту*, и которые уже по одной этой причинѣ своего небытія никакъ не могутъ требовать объединенія съ ними, какъ съ *живой, творческой* силой.

Какъ разъ для монархистовъ должно было быть понятнымъ, что возстановленіе монархической Россіи нравственно недопу-

стимо сейчас не потому, что монархія въ *идеи* хуже республики и не потому, что монархія сейчас исторически не ко двору въ Европѣ (въ войнѣ республики одержали побѣду надъ монархіями: низложенные монархи ведутъ себя во главѣ съ Вильгельмомъ. II весьма удачно; въ Италиі и Испаниі онъ стоятъ въ тѣни своихъ диктаторовъ), но потому, что большинство руководящихъ нынѣшнихъ монархистовъ побывало въ революціонерахъ. Не какъ монархисты, порочны и мало убѣдительны нынѣшніе монархисты, а наоборотъ, какъ отступники отъ монархіи, а отчасти даже и предатели ея. Это установленіе не психологическое, а социологическое; его смыслъ совѣтъ не въ обвиненіи отдельныхъ лицъ, а всего только въ напоминаніи того единодупія, съ которымъ была принята Россіей февральская революція и осуждена монархія.

Монархистовъ по убѣжденію, консерваторовъ по духу и воспитанію, принимающихъ и утверждающихъ революцію, трудно заподозрить въ субъективизмъ и корысти; монархистовъ же, призывающихъ къ реставраціи послѣ того, какъ революція не оправдала ихъ надеждъ, наоборотъ, очень трудно не упрекнуть въ этомъ.

Взвѣсиваясь и вздумываясь въ ту очную ставку, въ ту тяжбу, которая должна сейчасъ происходить въ каждой чувствующей свою отвѣтственность передъ Россіей «правой» душѣ, между тѣмъ, чѣмъ она была въ 17-мъ году и тѣмъ, что представляеть собою сейчасъ, между консерваторомъ - революціонеромъ и монархистомъ - реставраторомъ въ ней, мы не можемъ не видѣть, не чувствовать, что въ февральскіе дни *революціонныя* настроенія нашихъ *консерваторовъ* звучали въ *унисонъ* съ судьбой Россіи, сейчасъ же звучать весьма *биографично, раздраженно и корыстно*.

На такія мысли не слишкомъ расторопныя на голову «правые» иногда отвѣчаютъ, что никакого еднства въ признаніи революціи не было, что въ сущности всѣ были несогласны, но молчали, и что даже среди кричавшихъ «да здравствуетъ революція!» было много людей, желавшихъ ей скорѣе смерти, чѣмъ здоровья; что весь антузіазмъ былъ дутый, былъ не антузіазмъ, а «засиліе дѣвыхъ партій» и какой-то «непонятный гипнозъ». Надо ли доказывать, что такая защита «правого» дѣла хуже всякихъ «лѣвыхъ» нападокъ на него. Если сейчасъ тѣдятся выйти въ герон люди, у которыхъ въ свое время не было мужества личнаго мѣнія, и о помазанникѣ Божіемъ хлопчуть сейчасъ не *души*, прошедшія черезъ *трагедію* признанія революціи, а всего только прижавшіеся къ ней въ свое время *темпераменты*, то не остается никакого сомнѣнія, что дѣло «правыхъ» весьма неправое дѣло.

Я, конечно, очень хорошо знаю, что далеко не всѣ политическія группировки « правой Россіи » опредѣленно и *официально* исповѣдуютъ монархически - реставраціонную вѣру, но я рѣшительно думаю, что вся официально - политическая жизнь въ эмиграціи, особенно въ ея правомъ крылѣ, такъ же фиктивна, какъ реальна ея внутренняя, психологическая установка.

И вотъ съ этой, единственно существеиной, психологической точки зрѣнія нельзя, конечно, сомнѣваться въ томъ, что всѣ « правая » эмиграція къ моменту рѣшительной борьбы между монархіей и республикой будетъ на сторонѣ монархіи. Тутъ быстро сольются воедино и тѣ, что, желая монархіи, уже сейчасъ открыто провозглашаютъ ее, и тѣ, что, подготавливая ее, считаютъ правильнымъ пока что молчать о ней, и тѣ, что, мечтая о ней, считаютъ вопросъ о монархіи и республикѣ мало существеннымъ, и тѣ, что, лично ничего не желая и ни о чемъ не мечтая, живутъ одной ненавистью къ революціи и демократіи. *Потенціально* вся « правая » эмиграція, и та, что безтактно кричитъ, и та, что тактично и тактически молчитъ, одинаково монархична и въ этомъ не только мое право, но и мой долгъ отождествлять « правыхъ » съ « монархистами ».

Къ тѣмъ же результатамъ ведутъ и нѣсколько инымъ размышленія. Павшая въ 1917 г. монархія пала вѣдь не какъ отвлеченная политическая категория, а какъ вполне конкретный социальнополитическій строй, какъ вполне опредѣленный духъ двухъ послѣднихъ царствованій — Александра III и Николая II.

О томъ, до чего этотъ духъ, въ особенности духъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Николая II, духъ безволія и произвола, самоуверенности и растерянности, топтанья на мѣстѣ и топтанья ногой, духъ творческой бездарности и административнаго рутинерства былъ теменъ, тяжелъ и тлѣнъ, говорить не приходится; обо всемъ этомъ согласно свидѣтельствуютъ не только « не могу молчать » Толстого и обращения къ государю такихъ людей, какъ братья Трубецкіе, не только думскія рѣчи лучшихъ людей Россіи и мемуары всѣхъ, наиболѣе значительныхъ царскихъ сановниковъ, не только перерожденіе членовъ царской семьи въ заговорщиковъ и даже террористовъ, но и *до революціи* проигранная война, но и проигранная революція. Все это разительно ясно, и все же съ каждымъ днемъ все громче и громче шумятъ среди насъ люди съ отшибленной (большевиками) памятью, искренне (не будемъ сомнѣваться въ ихъ искренности) и съ пѣной у рта доказывающіе, что тяжелый духъ послѣдняго царствованія долженъ быть каждому патриоту « сладокъ и пріятенъ », какъ аромать редвыхъ полей. Этотъ патриотизмъ тлѣннаго духа и смертнаго воз-

духа, конечно, можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и не провозглашать возстаповленія монархіи, но самъ не пахнуть монархическимъ разложеніемъ онъ не можетъ.

Когда слышишь, какъ въ «правомъ» лагерѣ утверждаютъ, что всякій интеллигентъ — словоблудъ, а революціонеръ — всегда каторжникъ, что социализмъ — защитная форма еврейскаго націонализма, а ненависть къ демократіи — высшая форма проявленія любви къ родинѣ, что уравненіе родины и революціи подло, а родины и собственности свято, когда слышишь, какъ по столбцамъ «Возрожденія» патриотически шуршать сухой листвою своихъ воспоминаній калоши бывшихъ людей, когда недоумѣваешь надъ конфликто - синодальнымъ обрамленіемъ новогодняго номера «Возрожденія», то во всей композиціи этой психологіи отчетливо чувствуешь то страшное послѣдіе павшей монархіи, то полное духовное безіліе, объединеніе съ которымъ въ борьбѣ за будущую Россію было бы, право, не болѣе осмысленно, чѣмъ объединеніе врача со смертью въ борьбѣ за жизнь ввѣреннаго ему пациента.

Итакъ, ясно, что ни о какомъ политически организационномъ объединеніи съ монархической реакціей для демократической эмиграціи не можетъ быть и рѣчи. Разбирая проблему «единого фронта» противъ большевиковъ, мы разбираемъ не свою проблему, а *чужую*, для демократіи вообще не существующую. Все это ясно, все это такъ, и все же, все это безоговорочное отклоненіе единого фронта «Возрожденія» отнюдь не значитъ, что проблема духовнаго собиранія земли русской, проблема интеграціи нашего національнаго сознанія передъ лицомъ большевицкой опасности никакъ не стоитъ сейчасъ на очереди. Наоборотъ, проблема «единого фронта» не какъ проблема политическаго объединенія монархистовъ съ эредеками, а какъ проблема психологическаго и культурно - философскаго сращенія подлинно-консервативныхъ и творчески - революціонныхъ энергій русской души на почвѣ только еще предстоящаго раскрытія творческаго смысла «мига» февральской революціи представляется мнѣ весьма существенной, ибо степень здоровья и силы всякаго духовнаго организма ничѣмъ не измѣряется съ такою точностью, какъ степень уравновѣшенности въ немъ памяти и пророчества. Всенародный порывъ февральской революціи былъ очень сложенъ и многообразенъ по своей социальнo - духовной структурѣ. Его глубочайшей правдой было минутами почти полное сліяніе патриотизма революціонеровъ съ революціонностью патриотовъ, т. е., сдвигъ крайнихъ элементовъ общественной психологіи къ нѣкому объединяю-

щему центру. Пусть это единство съ точки зрѣнія *законовъ историческаго развитія* было лишь тѣмъ началомъ, на которомъ нельзя было удержаться, съ точки зрѣнія *верховныхъ смысловъ историческихъ процессовъ*, оно все же остается тѣмъ концомъ, къ которому должны вернуться всѣ начала.

На путяхъ этого возврата къ исходному единству, т. е., на путяхъ все еще предстоящаго объединенія всѣмъ подлиннымъ творцамъ и искреннимъ участникамъ февральской революціи надлежитъ осуществить очень большую работу самоанализа и самоочищенія; работу, въ которой многое «лѣвое» должно быть принято правымъ и многое «правое» — лѣвымъ.

Въ русской революціи, родившейся, между прочимъ, и изъ глубокой тревоги за благополучный исходъ войны, очень горячо звучала національно - патріотическая нота. Изъ этой революціонно - патріотической ноты родилась та психологическая правда Корниловскаго движенія, которая въ немъ, несмотря на его политическую ошибочность и частичную порочность, все же, конечно, была. Революціонно - патріотическую тему этой Корниловской правды *лучшіе элементы* бѣлаго движенія донесли до Крыма и Галлиполи. Нельзя поэтому сочувствовать бѣлому офицерству, какъ это нерѣдко дѣлаютъ въ лѣво - социалистическомъ лагерѣ равно постольку, поскольку оно сейчасъ какъ бы отбиваетъ въ рудникахъ свое наказание за преступленіе противъ революціи. Пусть бѣлое движеніе было съ практически - политической точки зрѣнія ошибкой, его центральная *эмоціональная тема* была и осталась безусловною *національною правдой*. Дѣло защиты патріотическаго смысла февральской революціи является потому прямой задачей консервативнаго фланга единой, антибольшевицкой, пореволюціонно-демократической общественности.

Русская профессиональная революціонная общественность была всегда, если и не прямо враждебна религіи, то по меньшей мѣрѣ враждебна церкви и индифферентна къ вѣрѣ. Февральская революція, по своему дулу и охвату всесословная и всенародная, таковой быть, конечно, не могла. Попытка убить вѣру и церковь не удалась даже и большевикамъ; поскольку же она удалась, ова удалась въ порядкѣ красной имитаціи церкви.

Нашъ республиканскій либерализмъ и демократическій социализмъ ни убивать, ни имитировать вѣры, конечно, не стануть : для этого они и слишкомъ совѣстливы и слишкомъ маловѣрны. Но и активной защиты народной вѣры отъ нихъ ждать трудно.

А потому нельзя не видѣть, что защита вѣры, но, конечно, и вѣротерпимости; православной церкви, но, конечно, и долга христіанскаго отношенія къ инославной Россіи — опять таки явля-

ется прямою задачей консервативнаго фланга единой, антибольшевицкой, демократической общественности. Но если въ вопросахъ національно-религіозныхъ лѣвой психологіи надлежитъ сдвинуться въправо, то въ другихъ необходимъ обратный сдвигъ.

Такъ, напримеръ, въ вопросѣ собственности. Наши крайніе правые очень любятъ доказывать нравственно-воспитательное значеніе этого «священнаго» института. Но какъ же могутъ они не видѣть, что злѣйшимъ врагомъ какъ разъ *нравственнаго* значенія частной собственности является не социализмъ, а *капитализмъ*; что главная сущность капитализма въ томъ и заключается, что онъ почти совсѣмъ уничтожилъ возможность приобретенья собственности «въ собственность». Какъ могутъ не видѣть, что унаследованная земля, на которой я живу и надъ которой *творчески* работаю, налагающая на нее печать своей любви и своей заботы — одинъ типъ собственности, нравственное значеніе которой несомнѣнно; но десятое кчѣніе, дешево купленное съ торговъ и доверенное управляющему — совсѣмъ другой типъ: десятое имѣніе не собственность, а отрицаніе собственности. Какъ разъ съ этической точки зрѣнія на собственность должно быть яснымъ, что собственность права и зиждительна лишь до тѣхъ поръ, пока она строитъ человѣческую личность, и что она грѣшна, когда она ее расхищаетъ. Современная же капиталистическая культура всецѣло построена на расхищеніи личности и на расхищеніи собственности. А потому ясно, что въ борьбѣ противъ капиталистическаго расхищенія личности и личной, т. е., оличной собственности *подлинный консерватизмъ*, исповѣдующій «священную» собственность, долженъ былъ бы скорѣе стоять на сторонѣ социализма, отрицающаго прежде всего безликую, продажную собственность, тѣмъ безоговорочно сочувствовать хищническимъ инстинктамъ международнаго капитала.

Повторяю, говоря все это, я имѣю въ виду не созданіе какихъ либо партій и организацій, а только сращеніе въ русской жизни въ русскомъ общественно-политическомъ сознаніи консервативно-творческихъ и революціонно-положительныхъ душевныхъ энергій. Я глубоко увѣренъ, что величайшимъ несчастіемъ Россіи будетъ, если въ ней не создается нѣкоей центральной психологіи, психологіи душевно-емкой, культурно-многобѣрной и политически-крѣпкой. Для того же, чтобы такая психологія создавалась и чтобы она въ будущемъ вылилась въ политически дѣеспособную организацію, и лѣвымъ и правымъ флангамъ нужно отъ многого отказаться и со многимъ порвать. Лѣвымъ нужно окончательно освободиться отъ всякой не только организаціонной, но и психологически-міросозерцательной связи съ идеологіей и эмо-

цей коммунистического интернационала. Нужно начать звучать въ какомъ-то совершенно новомъ душевномъ тембрѣ : понять, что для того, чтобы рѣшить судьбу русскаго народа, недостаточно интересоваться аграрной программой, но надо, кромѣ того, *любить поля и нивы* ; недостаточно думать надъ проблемой отдѣленія церкви отъ государства, но надо еще чувствовать связь православія съ русскою культурой и органически подсознательно ощущать, что въ «барскихъ» писаняхъ Тургенева и Толстого уже давно осуществлена та степень пониманія мужика и любви къ нему, до которой пока что очень еще далеко не только третьему, но и второму интернационалу.

Но если все это должны пережить лѣвые, то еще гораздо большія поправки должны внести въ свой внутренний мѣръ правые. Главное же и первое, что они должны сдѣлать — это разъ навсегда рѣшительно и окончательно порвать всякую эмоциональную связь съ тѣми жуткими черносотенными реставраторами, у которыхъ въ черепной коробкѣ вмѣсто мозга болтаются мѣдныя кокарды съ кавалерійскаго сапога, которые все еще думаютъ, что всякій гвардеецъ глубже знаетъ народъ, чѣмъ сельскій учитель, ибо дѣдъ учителя вчера еще былъ безграмотнымъ мужикомъ, котораго со своихъ полей кормили и своими кулаками «учили» господа дворяне.

Я понимаю, что психологія этихъ стюды мною не выдуманыхъ, а съ натуры написанныхъ изступленниковъ, цѣлою бездною отдѣлена отъ психологіи такихъ плѣнныхъ участниковъ и ведомыхъ вождей Зарубежнаго съѣзда, какъ Струве, Ильинъ, Карташевъ, но что мнѣ въ этой безднѣ, разъ Марковъ II на все откровенно плюетъ, а Струве ее прикровенно отрицаетъ, разъ во всѣхъ размышленіяхъ нашихъ виднѣйшихъ идеологовъ «бѣдой мечты», какъ только они заводятъ рѣчь о революціонерахъ и социалистахъ, сейчасъ-же почти рефлекторно вспыхиваютъ искры ярой ненависти, стремящаяся во что бы то ни стало, вопреки всѣмъ законамъ разума и совѣсти, освѣтить и оправдать непроницаемый мракъ самаго смраднаго, безыабашнаго черносотенства.

Отъ всего этого міра и надлежитъ безоговорочно отгородиться всѣмъ тѣмъ подлинно консервативно настроеннымъ душамъ, которыя искренне хотятъ спасти себя для Россіи и спасти Россію отъ большевиковъ.

Справедливость требуетъ признать, что въ дѣлѣ переустройства своего сознанія и своей подсознательности лѣвыми сдѣлано очень много; правыми же почти ничего. Гдѣ тѣ консерваторы, которые такъ же страстно и убѣжденно боролись-бы съ погубившими Россію черносотенными реакціонерами, какъ вся демократи-

ческая и социалистическая общественность борется против большевиковъ. Передъ тѣмъ, какъ призывать демократію къ созданію единого антибольшевицкаго фронта и упрекать ее въ томъ, что она не идетъ на Зарубежный Съездъ, П. В. Струве и его идейные соратники должны были бы въ своей собственной средѣ продѣлать ту же работу самоочищенія, которую лѣвые все углубляютъ въ своей. Но объ этой работѣ что-то ничего не слышно, а она безконечно нужна. ибо очередная задача Россіи заключается сей часъ въ созданіи такой общественно - политической психологін, при которой всѣмъ центро - стремительнымъ силамъ была бы гарантирована побѣда надъ силами центробѣжными. Если мы не сократимъ до минимума расхищеніе творческихъ силъ Россіи двуедной красно-черною реакціей, мы не выйдемъ изъ того тупика, въ которомъ гибнемъ.

*

**

Эмигрантизна самый тяжелый недугъ извѣстной части эмиграціи. Борьба съ эмигрантизною самая существенная задача эмиграціи. Я, лично, это почувствовалъ сразу же послѣ приѣзда въ Западную Европу и писалъ объ этомъ еще въ XVII № «Современныхъ Записокъ». «Эмигрантизна» представлялась мнѣ уже тогда «отрицаніемъ будущаго во имя прошлаго», вѣрою въ мертвый принципъ и растерянность передъ жизнью, старческимъ брюзжаніемъ надъ тазомъ съ собственной желчью».

Уже тогда я опредѣлялъ эмигранта, *пораженнаго эмигрантищиной*, какъ человѣка, въ которомъ «ощущеніе причиннаго ему революціей непоправимаго зла и незалечимаго страданія окончательно выжгло ощущеніе самостоятельнаго бытія какъ революціи, такъ и Россіи». Ни минуты не сомнѣвался я, что, несмотря на большевиковъ, «Россія осталась въ Россіи, а не переѣхала въ эмигрантскихъ сердцахъ въ Парижъ, Берлинъ и Прагу» и неоспоримымъ представлялся мнѣ фактъ, «что свою побѣду надъ декретомъ русская жизнь одержала на территоріи той конкретной предметной работы, которую ведетъ въ Россіи сѣрая масса безпартійныхъ совѣтскихъ работниковъ», эта подлинная «пѣхота революціи», въ послѣднемъ счетѣ гораздо болѣе страшная для коммунизма, чѣмъ нарядная дорого стоящая бѣло-эмигрантская конница.

Все это было и осталось вѣрнымъ. Приблизительно такіа-же ноты звучали, насколько я знаю, и въ первыхъ зарубежныхъ выступленіяхъ Е. Д. Кусковой и въ первыхъ фельетонахъ М. Осоргина. Высказываніе такихъ мнѣній было и въ 23 г. весьма неприятно и встрѣчалось *эмиграціей* въ штыки. Все-же были, конечно, и среди

эмигрантовъ люди, которые молчали совершенно о томъ же, о чемъ говорили мы, высланные изъ Россіи. Въ моемъ распоряженіи находится копія письма очень крупнаго и отнюдь не лѣваго по своимъ убѣжденіямъ, умершаго въ эмиграціи общественнаго дѣятеля. написанное еще въ 23-мъ году и адресованное отвѣтственному *советскому работнику*. Но понятнымъ причинамъ, я не могу раскрыть имени автора и адресата, но я само собою разумѣется, отвѣчаю за абсолютную точность каждаго слова и привожу письмо почти цѣликомъ.

«Мнѣ хочется сказать Вамъ и мнѣ легче сдѣлать это въ письмѣ, чѣмъ въ разговорѣ, какъ я по истинѣ счастливъ былъ почувствовать въ бесѣдѣ съ Вами вѣяніе того «свѣжаго росяного утра родной земли, которое обѣщаетъ погожий, радостный, рабочий день. За пять лѣтъ невольнаго эмигрантства въ первый фазъ довелось мнѣ вздохнуть роднымъ, свѣжимъ воздухомъ.

Когда заговоришь здѣсь о родинѣ, то услышишь одни закоснѣлыя слова о «нихъ», тогда, какъ дѣло не въ нихъ, а въ ней. Здѣсь головы и сердца заполнены не ею, а только самими собою. Вѣялка времени отнесла насъ далеко назадъ. *Изъ озабоченъ не попадешь въ пастырь* — они чувствуютъ, знаютъ это и ростъ новой жизни имъ понятенъ поэтому только *со стороны утраты въ ней мѣста*.

Меня душитъ эта пыльная мякина, а Вы, какъ лопатой, подбросили ее на вѣтеръ и мнѣ легче стало.

Вы дали почувствовать личнымъ настроеніемъ, которое дается только *одухотворенной, живой работой*, что во истину не даромъ, не всуе вѣришь. *Вотъ уже пробивается, растетъ*. Спасибо Вамъ. Очень сожалѣю, что за недосугомъ видѣлся съ Вами всего два раза — для души это мало».

Въ этомъ письмѣ съ совершенно исключительною силой и точностью сказано все то, что я въ свое время пытался выразить въ своихъ выше цитированныхъ «мысляхъ» и рѣшительно предвосхищена вся *правда послѣднихъ Пѣшехоновскихъ статей* «О родинѣ и эмиграціи», съ тою только разницей, что правда Пѣшехонова содержится въ приведенномъ письмѣ въ совершенно чистомъ безпримѣсномъ видѣ, у самого же Пѣшехонова она опредѣленно затѣнена и осложнена тѣми странными умолчаніями, коп., какъ мнѣ кажется, и вызвали всеэмигрантскій походъ противъ него.

Я очень внимательно читалъ статьи Пѣшехонова, я знаю, что онъ опредѣленно и повторно заявляетъ, что онъ «забѣтамъ, которымъ служилъ всю жизнь, не измѣнилъ и едва-ли (!) уже измѣнить» и все-же я не знаю, такъ-ли это на самомъ дѣлѣ.

Конечно, я ни минуты не сомнѣваюсь въ *абсолютной искренности* А. В. Пѣшехова, знаю, что онъ все еще вѣрить въ то, во что вѣрилъ, но все же слышу, что онъ вѣрить уже не такъ, какъ вѣрилъ. Вѣдь бываетъ-же : — вѣрить человекъ все еще по старому, вѣрить въ свою дѣтскую вѣру ; ну, а вѣра его въ Бога уже не вѣрить. Въ детство онъ по старой памяти все еще ходитъ, креститься крестится, молиться-же не молится, не можетъ.

Правда Пѣшехова меня въ дальнѣйшемъ не интересуетъ. Защищать духовный возвратъ на родину, значить (по нынѣшнимъ, по сравненію съ 23-мъ годомъ, совсѣмъ уже новымъ временамъ) ломиться въ открытую дверь. Эмигрантщина широкой массой эмиграціи уже почти совсѣмъ изжита. Взоры всѣхъ «живыхъ» душъ въ эмиграціи нынѣ вполне опредѣленно обращены къ Россіи. Военно-революціонная психологія, ощущающая совѣтскую Россію, какъ вражью страну, какъ страну зачумленныхъ, сейчасъ уже опредѣленный анахронизмъ. Стиль «военныхъ» корреспонденцій со страницъ эмигрантскихъ газетъ, слава Богу, мало по малу исчезаетъ. Конечно, «глубочная непримиримость» иногда еще даетъ себя знать. Но все это уже дань прошлому и такъ громоздко и ехидно анализировать эти недостатки нашей эмигрантской прессы какъ то дѣлаетъ Пѣшеховъ, *сейчасъ*, право, не стоитъ.

Впрочемъ, острота статей Пѣшехова совсѣмъ, конечно, не заключается въ критику *эмигрантщины* въ эмиграціи и проповѣди «духовнаго возврата» на родину, а въ его утвержденіи, что отъ эмигрантщины эмиграціи уже никуда не уйти и что для «духовнаго» возврата на родину необходимъ *физическій* возвратъ въ совѣтскую Россію.

Чтобы разрѣшить вопросъ, правъ-ли Пѣшеховъ въ этихъ своихъ *предельныхъ* утвержденіяхъ, необходимо, какъ мнѣ кажется, прежде всего, уточнить понятія «эмиграціи» и «родины». Увѣренъ, что Пѣшехову отчасти потому и не удалось не только высказать, но и додумать себя до конца, потому что его мысли все время двигались въ слишкомъ примитивныхъ для очень сложной проблемы схемахъ.

Уже давно указывалъ я (С. З. XVII N), что называть обывателя душевно разгромленнаго революціей — эмигрантомъ въ сущности не къ чему ; его достаточно продолжать считать тѣмъ, чѣмъ онъ какъ былъ, такъ и остался, — обывателемъ ; въ зарубежной обстановкѣ — бѣженцемъ. Обыватели-бѣженцы, покинувшіе Россію не ради борьбы съ большевиками, а ради того, чтобы спасти свою жизнь, вполне соответствуютъ обывателямъ - прикѣпленнымъ, рѣшившимъ послушаться известнаго правила, что революцію, какъ грозу, надо переждать на томъ мѣстѣ, гдѣ она застала.

Разрѣшать съ принципиальной точки зрѣнія вопросъ, надо ли бѣженцамъ возвращаться въ совѣтскую Россію не имѣетъ ни малѣйшаго смысла. Рыба ищетъ, гдѣ глубже, человекъ, — гдѣ лучше, а о вкусахъ, какъ извѣстно, не спорять.

Устроившимся бѣженцамъ европейской складки, вѣроятно, лучше оставаться въ Европѣ, русопятамъ же, не сумѣвшимъ устроиться въ Европѣ, въ особенности, если у нихъ есть зацѣпка въ Россіи, вѣроятно, умѣе ѣхать домой. Европейская политическая эмиграція отъ нихъ отъѣзда только выиграетъ : очистится и оживится. Россіи отъ ихъ пріѣзда ничего не прибавится, ибо даже и «упираться каблукѣмъ въ землю», по остроумному слову Осоргина, и тѣмъ самымъ «бороться», они, конечно, не будутъ. Выгоднѣе ли для большевиковъ, чтобы обыватели пребывали въ прикрѣпленцахъ или въ бѣженцахъ--ни на какихъ самыхъ точныхъ вѣсахъ взвѣсить нельзя. Вѣроятно, это совершенно безразлично.

Итакъ, для того, чтобы подойти въ правильному разрѣшенію пѣшеходовскаго вопроса необходимо прежде всего не расширять существенной противоположности : эмиграція — родина совсѣмъ несущественною : бѣженцы -- прикрѣпленцы. Такъ какъ среди эмигрантовъ очень много бѣженцевъ, то это разграниченіе связанное практически не только съ признаніемъ за бѣженцами полного права возвращенія въ Россію, но и съ осознаніемъ, что для эмиграціи такое возвращеніе, *если и не желательно*, то во всякомъ случаѣ, безразлично, имѣетъ очень большое практическое значеніе. Стремленіе же держать при эмигрантскихъ политическихъ дворахъ бѣженскую челядь для вящаго доказательства своей мощи и доказательства полной невозможности даже и для тихой обывательской души жить въ совѣтской Россіи (и такая психологія существуетъ въ эмиграціи), кажется мнѣ политически бессмысленнымъ.

Какъ ни важно выдѣленіе весьма простаго вопроса о бѣженцахъ и прикрѣпленцахъ изъ гораздо болѣе сложнаго о родинѣ и эмиграціи, его одного (этого выдѣленія) для точной постановки пѣшеходовской проблемы еще недостаточно. Необходимы еще и дальнѣйшія уточненія.

Читая А. В. Пѣшехова, все время ощущаешь, что вся нечеткость и приблизительность его размышлений происходитъ оттого, что онъ не то сознательно, не то бессознательно, превратилъ свою явно и по существу *трехчленную* проблему: родина — эмиграція — большевики, въ *двухчленную* : родина — эмиграція. Это упрощеніе кажется мнѣ недопустимымъ потому, что, какъ въ зарубежной, такъ и въ совѣтской Россіи есть элементы, для которыхъ *двухчленная* постановка проблемы Россіи и права и дос-

такожна. Я говорю о большевикахъ и о реставраторахъ - интервенціонистахъ. Оба крайнихъ фланга одинаково вѣрятъ, что борьба сейчасъ идетъ только между *двумя* странами. Для большевиковъ есть только одна подлинная Россія — это они и ихъ СССР. Все, что не съ ними и не въ немъ — единый вражій станъ, отъ Керенскаго до Николая Николаевича. Крайніе правые исполнены обратной, но такой же простотой вѣры: для нихъ подлинная Россія — окруженіе Николая Николаевича; все же остальное — единый вражій станъ, отъ Милюкова до Бухарина. Обѣ противоположныя вѣры основаны на одномъ и томъ же. Какъ большевики, такъ и крайніе правые одинаково не вѣрятъ во все еще и несмотря ни на что живую Россію и одинаково отождествляютъ ее съ СССР, съ той только разницею, что большевики своимъ правомъ на это отождествленіе гордятся, а правыхъ необходимость этого отождествленія приводитъ въ отчаяніе.

Тотъ фактъ, что кое-кто изъ крайнихъ правыхъ вернулся въ Россію, правильности моего утвержденія, что реставраторская идеология мыслить проблему современной Россіи *двулично*, отнюдь не подрываетъ. Поскольку правые возвращались въ Россію, они возвращались не къ себѣ на родину, а (по какимъ причинамъ—все равно) къ «нимъ» на службу. И это вполне правильно и послѣдовательно; — пока надъ Россіей властвуютъ большевики, никакой небольшой большевицкой Россіи въ СССР. правымъ искать не приходится.

Въ связи съ этими мыслями у меня невольно возникаютъ сомнѣнія, не означать-ли Пѣшеховская постановка вопроса о возвращеніи на родину въ неправомѣрно упрощенной двучленной формулѣ того, что и оягъ въ глубинѣ своей души уже раздѣляетъ монархически - большевицкую вѣру, что на полѣ брани, въ концѣ концовъ, находится лишь два стана, между которыми и надо выбирать. Каюсь, читая Пѣшехова, я былъ не въ силахъ подавить въ себѣ ощущеніе, что Россія Керенскаго и Милюкова для него совсѣмъ не Россія. Россія же Сталина и Бухарина — почти что подлинная Россія. Многое въ этой большевицкой Россіи для Пѣшехова, конечно, неприемлемо; многое подлежитъ, по его мнѣнію, выправленію и измѣненію, но все это, въ сущности, только недостатки механизма, которые въ концѣ концовъ сами утрясутся, уладятся. Главное же сейчасъ не борьба съ большевизмомъ, а прекращеніе этой борьбы, почти что объединеніе съ большевизмомъ противъ тѣхъ, «которые уйдутъ вправо» и быть можетъ свою роль въ судьбахъ Россіи еще сыграютъ... видѣются въ нее съ помощью постороннихъ пттыковъ». Таковъ, на мой слухъ, точный социологическій смыслъ не точной Пѣшеховской терминологіи;

если это такъ, то Пѣшеховымъ дѣйствительно уже владѣть не только «старая правда», но уже и «новая вѣра».

Постараемся же разобраться въ этомъ вопросѣ.

Я, конечно, очень хорошо знаю, что въ статьяхъ А. В. Пѣшехова есть много мѣсть, въ которыхъ онъ свою, въ общемъ, дву-членную терминологию (родина и эмиграція) опредѣленно осложняетъ словесно вполне четкимъ противопоставленіемъ Россіи и совѣтской власти. Съ чисто формальной точки зрѣнія онъ можетъ меня потому легко поймать на словѣ. Но это не важно, такъ какъ нашъ споръ съ Пѣшеховымъ не о словахъ, а о тѣхъ послѣднихъ сущностяхъ, что раздѣляютъ и соединяютъ людей. Ради этихъ сущностей я и началъ съ того, что меня соединяетъ съ А. В. Пѣшеховымъ, съ того, что должно быть ему уступлено. Призналъ вредность эмигрантской кичливости, дубочной непримиримости и всякой иной эмигрантщины ; призналъ глубокую вѣрность пѣшеховскаго требованія, чтобы вся эмиграція цѣликомъ душой повернулась бы къ подъяремной совѣтской Россіи; призналъ если не желательность, то возможность возвращенія на родину всѣхъ бѣженцевъ и обывателей ; подчеркнул смягчающее вину Пѣшехова обстоятельство — его вѣру въ возможность вторженія иностранныхъ штыковъ въ Россію. Но признавъ и подчеркнувъ все это, я дальше уже не могу сдѣлать по пути А. В. Пѣшехова ни одного шага, ибо дальше начинается въ совѣтофильскихъ симпатіяхъ Пѣшехова то смѣшеніе творчества совѣтской Россіи съ душегубствомъ совѣтской власти, которое мнѣ представляется и духовно и политически гибельнымъ и опаснымъ. Только этимъ смѣшеніемъ и объясняется по моему то, что говоря объ эмиграціи, Пѣшеховъ не нашелъ ни одного слова одобренія ; говоря же о большевикахъ — ни одного слова осужденія. Эмиграція до конца слилась подъ его перомъ съ эмигрантщиной и въ ней погибла. Совѣтская же власть (для даннаго момента русской жизни, по крайней мѣрѣ) до конца слилась съ Россіей и въ ней спаслась.

Проявляя въ отношеніи эмигрантской прессы до придирчивости доходящую критическую вдумчивость, Пѣшеховъ проявляетъ по отношенію къ совѣтской паразитической, до легкомыслія доходящую доврчивость.

Трогаясь тѣмъ, что А. И. Браудо бѣгаетъ по Берлину и добивается, чтобы эмигрантскіе издатели дали бы свои изданія бесплатно Петербургской дубличной библиотекѣ, Пѣшеховъ почему-то совсѣмъ не сѣтуетъ на то, что эмигрантскія изданія нельзя просто послать въ совѣтскіе магазины для продажи ихъ населенію.

Восторженно сообщая, что въ Россіи весьма успешно работают нѣкій врачъ Лондонъ и другіе естествоиспытатели, онъ ни слова не говоритъ о томъ, что въ Россіи уничтожены всѣ философскія кафедры и окончательно изгнанъ вольно - философскій духъ изъ преподаванія всѣхъ гуманитарныхъ наукъ.

Иронически рассказывая о томъ, какъ эмиграція приняла и выдала Тасинскій шаржъ, въ которомъ повѣствовалося, какъ въ одномъ изъ московскихъ клубовъ судили Льва Толстого и вынесли ему приговоръ, «которымъ бывший офицеръ царской арміи, дворянинъ и помѣщикъ Л. Н. Толстой признается виновнымъ въ распространеніи сочиненій мелко - буржуазнаго воззрѣнія, съ упорнымъ замалчиваніемъ того, что стоитъ въ какомъ бы то ни было отношеніи къ диктатурѣ пролетаріата» за чистую монету, — Пѣшехововъ почему то никакъ не чувствуетъ, что выдуманная Тасинымъ резолюція вполне точно формулируетъ дѣйствительное отношеніе коммунизма къ толстовству, чѣмъ, конечно, только и объясняется тотъ фактъ, что вся иностранная пресса сообщила о тасинскомъ засѣданіи, какъ имѣвшемъ мѣсто въ дѣйствительности. Было или не было это засѣданіе, въ концѣ концовъ, вѣдь не важно; важно, что оно могло быть, что оно выполнѣ въ духѣ совѣтской власти. Духъ же этотъ и есть самая настоящая, самая страшная дѣйствительность; и вся слѣбота Пѣшехонова въ томъ и заключается, что онъ всего ужаса этого духа не чувствуетъ и въ качествѣ полновѣсной реальности не учитываетъ, что всѣ его размышленія не въ духѣ и не о духѣ, а о фактахъ и фактивахъ. Оттого для Пѣшехонова и тасинская резолюція не фактъ, что поле его арвія ограничено сферой фактичности. Если бы это было не такъ, тасинская резолюція связалась бы у него съ очень интереснымъ выступленіемъ Ларина въ защиту Достоевскаго отъ посягательства какой-то ретивой театралной комиссіи, высказавшейся противъ постановки на сценѣ романовъ этого разлагающаго пролетаріатъ православно - буржуазнаго писателя. Ужъ лучше бы Лария не защищать Достоевскаго; его защита, основанная на доврѣніи къ пролетаріату, который и безъ комиссіи пойметъ, какого поля ягода Ф. М. Достоевскій, является лучшимъ доказательствомъ того, что если тасинская резолюція и не фактъ, то она все же самая настоящая дѣйствительность.

Есть, впрочемъ, въ статьяхъ А. В. Пѣшехонова нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ онъ какъ бы возстаеъ противъ духа совѣтской власти, но, Боже мой, до чего эти мѣста блѣдны. Восхваляя молодую совѣтскую литературу, онъ что-то говоритъ о «совѣтскомъ проводочномъ загражденіи» и «коммунистическихъ формулахъ», съ которыми этой литературѣ приходится бороться, но въ этихъ

стробаль не слышится никакой скорби за угнетаемое творчество и никакого порицания угнетателям. Во всем непонятная односторонность оценок и полная дезориентированность не только активно-политического, но и самого элементарного гражданского пафоса. Местами эта дезориентированность достигает в статьях Пшехонова поистиг угрожающего размаха. Так, например, во всем невразумительных, неряшливых и словно самих себя конфузящихся размышлениях о том, что в отношении свободолюбия и монархисты и республиканцы и демократы и большевики — одним муромъ мазаны. Нетъ словъ, ни одна власть не сможетъ сейчасъ возгласить въ Россіи свободы, въ смыслѣ разрѣшенія всемъ, кому ни дѣло, бороться съ нею, но все же, зачѣмъ Пшехонову, «капитулировавшему» передъ большевиками, моносыающему эмиграцію, почти превозносящему совѣтскую жизнь и все же не впускаемому въ Россію, писать о томъ, что и республиканцы отнесутся «съ большой опаской и къ монархистамъ, и къ социалистамъ» и «препоны имъ поставятъ и отборомъ займутся». Съ точки зрѣнія чистой логики, сравнивать республиканское и коммунистическое свободолюбіе, конечно, возможно, такъ какъ даже утвержденіе несравненности двухъ явленій возможно лишь на основѣ ихъ сравненія. Но зачѣмъ же дѣлать Пшехонову то, что, не противорѣча законамъ логики, явно противорѣчитъ законамъ политической этики?

Я знаю, конечно, что логика Пшехоновскихъ размышленій основана на инстинктивномъ стремленіи какъ можно глубже и безпристрастнѣе понять совѣтскую дѣйствительность; знаю и то, что все понять — все простить: согласенъ и съ тѣмъ, что въ перекрѣтивъ чисто теоретическаго отношенія къ жизни это положеніе безспорно вѣрно. Но вѣдь драктически и нравственно вѣрно какъ разъ обратное: все простить — значить рѣшительно ничего не понять. Ошибка Пшехонова въ томъ, что онъ не чувствуетъ, что борьба Россіи съ большевиками только еще разгарается, и что, стоя въ борьбѣ, нельзя убивать своей политической силы исторически безстрастнымъ отношеніемъ къ противнику. Историческая справедливость — справедливость смерти къ мертвымъ. Для живыхъ людей по отношенію къ живымъ противникамъ она неприемлема.

Но тутъ-то и возникаетъ мое послѣднее сомнѣніе, встаетъ мой послѣдній вопросъ. Быть можетъ, Пшехоновъ и не хочетъ никакой борьбы противъ большевизма; быть можетъ, его призывъ къ возвращенію есть и призывъ къ пріятію совѣтской власти, къ внутреннему, добровольному *пріятію*, а не только къ вѣншнему, политическому призванію?

Подчеркиваю, я ни минуты не обвиняю Пѣшехонова *всознательной* подстановкѣ внутренняго пріятія большевикамъ подъ проповѣдь признанія совѣтской власти и возвращенія въ совѣтскую Россію ; но я виню его въ томъ, что опубликованныя имъ статьи допускаютъ въ этомъ рѣшающемъ вопросѣ недопустимую широту предположеній о *безсознательныхъ* процессахъ въ душѣ Пѣшехонова.

Можно быть за организацию повстанческихъ движеній и можно считать такую форму борьбы лишь укрѣпляющею большевизмъ ; можно быть за подпольную революціонную работу въ Россіи и можно быть противъ подполья ; можно надѣяться на то, что большевиковъ, въ концѣ концовъ, свалитъ возрождающаяся въ Россіи частновладельческая инициатива и мужицкій упоръ, можно считать эти надежды бреднями, — все это очень важныя различія, и все же, всё они ничто передъ главнымъ : пріемлетъ или не пріемлетъ человекъ *духъ* большевизма. Я знаю, что мнѣ можетъ быть поставленъ «сбивающій» вопросъ : «Такъ что же вы въ концѣ концовъ и за блокъ съ интервенціонистами? Вѣдь и они не пріемлютъ духа большевизма!». Но я не сбиваюсь. Вопросъ, по моему, кристаллически ясенъ. Бѣлое движеніе оттого и не побѣдило большевиковъ, что заразилось ихъ духомъ. Что же касается интервенціонизма 1926 года, то и слышимъ видно, что его духъ ничѣмъ не отличается отъ духа большевизма. Не случайно Зарубежный съѣздъ обмолвился «правомъ стѣнкой». И не разъ еще вспомнитъ И. А. Ильинъ свои слова о «правомъ соуделѣ».

Итакъ, думается, ясно : — возможенъ временный отказъ отъ дѣйственной, активной борьбы съ большевиками и даже близкое «культурническое» сотрудничество съ ними (честная совѣтская интеллигенція) при внутреннемъ противостояніи духу большевизма ; и возможна ожесточенѣйшая вооруженная борьба противъ большевиковъ, окрыленная его-же собственнымъ духомъ (настроеніе крайнихъ правыхъ). Люди перваго типа и не борясь активно противъ большевиковъ, безусловно содѣйствуютъ ихъ паденію ; люди второго — и борясь съ ними, неизбежно только укрѣпляютъ ихъ. Ибо все дѣло не только въ борьбѣ, какъ таковой, но и въ томъ *духѣ*, которымъ она исполнена.

На соблазнъ большевизмомъ, на внутреннее пріятіе его сейчасъ толкаетъ (это надо признать откровенно) очень многое : и развалъ бѣлаго движенія, и отсутствіе точныхъ, боевыхъ задачъ на республиканско-демократическомъ фронтѣ, и признаніе большевиковъ Европой, и все растущая тоска по Россіи, и все сильнѣе гнетущее чувство зря убиваемыхъ въ эмиграціи лѣтъ, и быстрое оздоровленіе хозяйственной жизни Россіи, и надажива-

ищущая связь съ ея творчествомъ, и, наконецъ, быть можетъ, главное : очевидная сдача коммунистической партіей своихъ интернаціоналистическихъ позицій на томъ весьма прочномъ, ибо циническомъ, основаніи, что интернаціональ очень дорого стоитъ, а Россія очень хорошо кормитъ. Тотъ же, кто кормитъ, въ послѣднемъ счетѣ, конечно, и властвуетъ.

Естественно, что съ высоты этихъ примиренческихъ позицій, навязчиво подсказываемыхъ политической обстановкой 1926 года, кореннымъ образомъ мѣняется взглядъ на весь съ боемъ пройденный путь и возникаютъ (въ малодушныхъ душахъ) сомнѣнія.

— Терроръ ! — Но не послѣдствіе-ли онъ войны ?

— Расплѣтѣ Россія ! — Но развѣ она не была расплѣтана самодержавіемъ ?

— Отрицаніе свободы ! — Но развѣ свобода допустима на фронтѣ военныхъ дѣйствій, развѣ не на нашихъ глазахъ свобода превратила солдатъ въ дезертировъ, а дезертировъ въ убійцъ ?

— Нѣтъ словъ, путь, пройденный большевизмомъ ужасенъ, но какъ знать, былъ-ли исторіей данъ иной путь революціонной побѣды надъ старой Россіей.

Повторяю, я отнюдь не приписываю всѣхъ этихъ сомнѣній и мыслей А. В. Пѣшехову, но внутренне прикидывая его позицію, я искренне не понимаю, какъ можно, не тая такихъ мыслей въ себѣ, защищать то, что защищаютъ статьи А. В. Пѣшехова.

Дѣло совсѣмъ не въ томъ, что онъ неустанно проповѣдуютъ эмиграціи Россію, *совѣтскую* Россію, — это только очень полезно; и не въ томъ, что онъ скептически относятся къ эмиграціи, — во многомъ полемически перебарщивая, онъ и тутъ въ отношеніи къ известнымъ кругамъ эмиграціи въ общемъ правъ; дѣло, наконецъ, и не въ томъ, что онъ вѣрятъ и утверждаютъ — Россія спасется работой русскихъ людей въ Россіи и потому сочувствуютъ возвращенію эмиграціи на родину, я и тутъ согласенъ считать ихъ позицію по отношенію къ нѣкоторой части эмиграціи вѣрной; дѣло совсѣмъ въ другомъ : не въ томъ, что они говорятъ, а въ томъ, что они умалчиваютъ, безосознательно умалчиваютъ потому, что въ нихъ уже *молчитъ внутреннее отвращеніе къ большевизму*, какъ въ определенной идеологіи, определенному мірочувствованію, определенной волѣ, властно оформляющей русскую жизнь.

Пѣшеховъ пишетъ, что эмиграція Россіи не нужна. Пусть такъ, не спорю. Ну, а большевики Россіи нужны? Я тщательно читалъ Пѣшехова, но вычитать вполне определеннаго, недвусмысленно - отрицательнаго отвѣта при всемъ желаніи не могъ.

Думаю, что Пётршевцовъ въ своей тоскѣ по Россіи и въ своемъ отвращеніи къ эмиграціи ни умомъ, ни сердцемъ, ни ухомъ не слышитъ, что большевицкій коммунизмъ, сведенный къ своимъ послѣднимъ основамъ, не что иное, какъ продуктъ разложенія западно - европейскаго капитализма и что онъ для Россіи не только вреденъ, но въ точномъ смыслѣ этого слова смертоносенъ.

Доказать это я мимоходомъ, конечно, не могу, главное же, по моему, заключается въ слѣдующемъ.

Изобрѣтя машину и взростивъ индустриализмъ, Западъ безспорно создалъ серьезную угрозу духовнымъ основамъ европейской культуры. Но создавъ эту угрозу, онъ создалъ и средство борьбы противъ нея. Въ гуманизмѣ: — въ идеяхъ и институтѣхъ автономной науки, свободы, права, демократіи, капитализмъ (пусть въ секуляризованномъ видѣ), какъ ни какъ, все же сберегъ унаслѣдованныя имъ отъ античности и среднихъ вѣковъ духовныя начала отъ разгрома машинной цивилизаціи, и пронесъ это наслѣдство сквозь эпоху формалистическаго либерализма, передалъ его въ началѣ 19-го вѣка въ вѣдѣніе и распоряженіе социализма, который, пройдя въ своемъ развитіи весьма сложныя стадіи (среди нихъ и стадію материалистическаго грѣхопаденія), нынѣ въ отдѣльныхъ своихъ теченіяхъ снова стремится не только къ духовному, но частично даже и къ религиозному преображенію общественной жизни, чѣмъ и становится особенно близокъ духу русской культуры, не пережившей возрожденія реформаціи и тѣмъ самымъ не оторвавшейся отъ своихъ религиозныхъ основъ.

Геній упрощенія (по слову Плеханова), типичный русскій западникъ, т. е. человѣкъ глубоко чуждый западно европейскому духу преемственности и традиціи, Ленинъ ничего не помышлялъ во всей этой сложной судьбѣ Запада и связанной съ нею миссіей Россіи. Понаважившись на зарѣ своихъ студенческихъ лѣтъ съ чисто-русскимъ рабымъ изувѣрствомъ въ ноги европейской машины, онъ въ сущности всю свою жизнь поклонялся духу той самой буржуазно-капиталистической культуры, противъ которой всю жизнь боролся. Духу, впрочемъ, не вѣрно. Самое страшное и самое трагичное то, что *духа* буржуазной культуры, т. е. духа свободы, прада, демократіи, самодовлѣющаго научнаго и художественнаго творчества онъ не видѣлъ и не признавалъ. Захваченный идеями вульгарнаго материализма, классовой ненависти, наѣссомъ метательности и разрушенія, Ленинъ въ сущности всю жизнь поклонялся не *духу* европейской культуры, а ея отработанному пару, ея удушливому *смираду*.

Въ этомъ утвержденіи смрада капитализма, какъ духа подлиннаго социализма, т. е. коммунизма, и таится вся теоретичес-

кая ложь и вся нравственная тлѣнность ленинизма, этой, одновременно и самой вульгарной и самой эстетической формы марксизма.

Только безносые души могут не слышать тяжелого смердящего запаха ленинизма, что стоять надъ Россіей, стоять не смотря на то, что она сейчасъ зацвѣтаетъ новой жизнью! Не надо ничего упрощать. Кто помнить, какъ къ весеннимъ ароматамъ свѣже поднятой земли и зацвѣтающей черемухи примешивался на войнѣ запахъ неглубоко зарытыхъ труповъ, тотъ физическимъ замираніемъ сердца, его переборами, слышитъ, какой духъ идетъ отъ Совѣтской Россіи.

Все, что доходитъ изъ Совѣтской Россіи: газеты, журналы, письма, рассказы пріѣзжающихъ, ихъ внѣшній и внутренній обликъ — все съ одинаковой выразительной силой свидѣтельствуетъ о томъ, что Россія не только крѣпнетъ и растетъ, во, къ сожалѣнію, и вырастаетъ въ идеологію и эмоцію большевицкаго коммунизма.

Я знаю, въ подпольѣ, въ катакомбахъ, страдающими высвѣтляется старая и творчествомъ разгарается новая Россія, но сейчасъ рѣчь не о катакомбахъ, а о томъ очевидномъ хозяйственномъ, а отчасти и культурномъ ростѣ Россіи, который такъ безоговорочно радуетъ А. В. Пышекнова. Говоря по совѣсти, я не понимаю *безоговорочности* этой радости. Въѣдъ и въ царствование Николая II, въ самые темные годы его — Россія бесспорно хозяйственно крѣпла и творчески росла. Почему же этотъ ростъ принимался тогда за исконно естественный, отъ Россіи никакъ неотъемлемый и никакого восторга не заслуживающій? Почему всѣ мы тогда говорили не о ростѣ Россіи, а только о правительствѣ, мѣшавшемъ Россіи расти, заражавшемъ процессами своего разложенія здоровую и сильную страну, глушившемъ свободу ея творческихъ порывовъ, почвенную низовую, народную силу.

Тѣ помѣхи, которыя самодержавіе ставило духовному росту русскаго народа, были тогда конечно велики, и все же сравнивать ихъ съ большевицкимъ насліемъ надъ духомъ, въѣдой и культурой Россіи — нельзя. Самодержавіе послѣднихъ двухъ царствованій было лишь предѣльнымъ искаженіемъ русской правды, большевизмъ же — идеальное воплощеніе вселенской лжи. Къ тому же самодержавіе было всѣмъ развитіемъ Европы опредѣленно обречено на гибель. Коммунизмъ же сила еще восходящая. Самодержавіе было самодержавіемъ безоружнымъ; оно бездѣйствовало и суетилось. Коммунизмъ, тоже самодержавіе, но до зубовъ вооруженное, которое дѣйствуетъ всѣми средствами

и преть на всѣхъ путяхъ. Духъ коммунизма потому гораздо страшнѣе, чѣмъ духъ самодержавія и протестъ противъ его богоненавистническихъ, свободоборческихъ, растлѣвающихъ тенденцій долженъ потому звучать гораздо сильнѣе, чѣмъ звучалъ въ свое время революціонный протестъ противъ деспотизма Николаевскаго царствованія. Въ особенности же сильно долженъ онъ звучать у тѣхъ изъ насъ, которые, какъ А. В. Пѣшеховъ, Е. Д. Кускова, М. А. Осоргинъ и я, считаютъ своею прямою задачею защищать отъ эмигрантскихъ нападковъ и эмигрантскаго злобствования возникающую въ Совѣтской Россіи новую творческую жизнь.

Всякій призывъ къ сочувствію этой жизни и къ соучастію въ ней правъ только въ сочетаніи съ недвусмысленно отчетливымъ и патетическимъ отрицаніемъ рабства, тлѣннаго и въ то же время заносчиваго, мессіански-прорицательнаго духа воинствующаго коммунизма. Этого отрицанія въ томъ, что пишеть и говоритъ А. В. Пѣшеховъ — нѣтъ. Онъ вообще ничего не говоритъ о *духѣ*, т. е. о смрадѣ большевизма и этимъ умолчаніемъ губить свое во многомъ правое дѣло, губить глубоко прочувствованную имъ правду о новой творческой жизни, которая зацвѣтеть сейчасъ въ Россіи наперекоръ большевизму, и въ отъѣздѣ ему.

Я знаю, что говорю о томъ, что реальные политики любятъ презрительно называть «мистикой, мифомъ, химерой», но я знаю и то, что реальные политики — самые отвлеченные мечтатели и самые безпочвенные дѣльцы, которые все еще не поняли, что самодержавіе пало тогда, когда въ русскомъ народѣ умеръ мнѣ о самодержавіи, и что большевики осилили Россію прежде всего потому, что по своему чувствовали мистика революціи. Пусть большевизмъ была мистикой сатанизма, пусть въ ра большевиковъ въ духъ была върой въ смрадъ, — важно то, что въ большевикахъ было изступленіе какой-то въры. Этою върой они и побѣдили. А потому, если мы хотимъ побѣдить большевиковъ, то и мы должны въратить въ своихъ душахъ свой собственный мнѣ, должны исполнить нашу борьбу противъ духа большевизма глубокой мистической върой въ наше правое дѣло и въ нашу конечную побѣду, должны зажечь въ нашихъ сердцахъ абсолютную метафизическую ненависть къ духу большевизма.

Эта непримиримость главное; все остальное — методы, о которыхъ можно всегда сговориться.

Весь вопросъ только въ томъ : жива-ли въ душѣ А. В. Пѣшехова эта метафизическая непримиримость. Если жива — онъ во многомъ правъ. Если нѣтъ — вся его правда въ концѣ

концовъ тяжчайшее заблужденіе. Если жива — онъ дѣлаетъ то, что хочетъ дѣлать — защищаетъ Россію противъ большевиковъ. Если нѣтъ — онъ дѣлаетъ обратное тому, что хочетъ — защищаетъ не Россію, а большевиковъ.

Этою, съ точки зрѣнія разбираемаго автора, быть можетъ неправомѣрно повышенной, чрезмѣрно принципиальною и въ своей отчетливости упрощенною постановкою вопроса о взаимоотношеніи Россіи и большевиковъ я отнюдь не отрицаю всѣхъ тѣхъ безконечныхъ трудностей, которыя должны возникнуть при его разрѣшеніи въ отдѣльныхъ, конкретныхъ случаяхъ. Я прекрасно понимаю, что различать смрадь коммунизма отъ духа Россіи въ идеѣ настолько же легко, насколько въ исторической дѣйствительности трудно провести четкую грань между тѣмъ, что большевики дѣлаютъ исключительно въ своихъ интересахъ и тѣмъ, что имъ приходится дѣлать въ интересахъ Россіи. Я вполне признаю, такимъ образомъ, правильность положенія часто высказывавшагося П. Н. Милюковымъ, что быть принципиально противъ *всѣхъ* начинаній большевиковъ нелѣпо уже по одному тому, что существуя исключительно за счетъ Россіи большевики естественно не могутъ идти всегда и во всемъ противъ ея насущныхъ интересовъ.

Не признавать никакихъ совпаденій въ сферѣ нуждъ и интересовъ — нельзя, но смягчать на основаніи ихъ непреклонность своего отрицательнаго отношенія къ духу большевизма также не приходится.

Всѣмъ этимъ я хочу сказать, что абсолютная непримиримость съ духомъ большевизма необходима не затѣмъ, чтобы не мириться ни съ чѣмъ, что дѣлается въ Россіи и что дѣлаютъ большевики, а чтобы *всѣмъ* каждомъ отдѣльномъ случаѣ точно знать, съ чѣмъ мириться можно и съ чѣмъ ни при какихъ условіяхъ нельзя.

Всѣ тактическія ошибки допущенныя А. В. Цѣхоньевымъ вытекаютъ, на мой слухъ по крайней мѣрѣ, изъ ослабленія въ немъ наэоса отрицанія большевицкаго духа.

Если-бы наэосъ этого отрицанія не ослабѣлъ въ его душѣ, онъ долженъ былъ бы, какъ мнѣ кажется, съ инстинктивною чуткостью почувствовать, что живя въ Россіи подъ большевиками, работать на Россію не только можно, но и должно; что возвращаться ради такой работы изъ эмиграціи въ Россію хозяйственнику-спецу если и не должно, то все-же можно; дѣлать же возвращенчество предметомъ политической проповѣди никакимъ образомъ нельзя.

Всякая честная, безкорыстная и творческая работа права

и обязательна въ Россіи потому, что она въ послѣднемъ счетѣ (какъ бы легально совѣтскій работникъ ни относился къ Совѣтскому правительству) все же революціонна, ибо сильная, здоровая Россія и совѣтская власть несомнѣтельны.

Всякое пѣмое возвращеніе къ такой работѣ изъ эмиграціи допустимо потому, что оно можетъ быть и самымъ возвращающимся порѣшено, и эмиграціей воспріято, какъ возвращеніе къ той формѣ борьбы за Россію и тѣмъ самымъ противъ большевиковъ, на каковую возвращающійся считаетъ себя единственно способнымъ.

Проповѣдь же возвращенія недопустима потому, что какъ проповѣдь легальной *революціи*, *революціоннаго* «культурничества», она практически бессмысленна (не могутъ же большевики легализировать революціонеровъ, хотя бы и настроенныхъ по отношенію къ власти вполне легально), а какъ проповѣдь хозяйственнаго и культурнаго строительства Россіи съ *умолчаніемъ* о его революціонномъ смыслѣ, она политически вредна, ибо нравственно недопустима.

Вѣдь ясно же, что если о самомъ главномъ, о духовномъ растлѣніи Россіи большевиками молчатъ совѣтскій служащій, молчатъ подъ страхомъ смерти, молчатъ потому что принюхался, — это одно дѣло; если же защищая возвратъ въ Россію молчатъ обо всемъ этомъ А. В. Цѣхонновъ, то это дѣло иное. Нельзя говорить только о хозяйственныхъ интересахъ Россіи, когда судьба *обременила тебя прахомъ* и долгомъ говорить о высшемъ, о главномъ, о самомъ главномъ, — о правдѣ и свободѣ въ мірѣ, о вѣрховной душѣ и безсмертномъ духѣ Россіи. Есть объективная іерархія темъ и цѣнностей, которую безнаказанно нарушать нельзя. Церковь выше кооперации; свобода выше хозяйства. И потому никакое кооперированіе съ гонителями церкви и свободы, духа и правды въ интересахъ хотя-бы наиреальнѣйшаго расцвѣта кооперации, промышленности и сельскаго хозяйства недопустимо. Не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ, а вымѣнивать первородство духа на чечевичную похлебку практическихъ интересовъ по своей собственной волѣ нельзя.

Всякое угашеніе хаоса борьбы за духъ свободы въ мірѣ, за духовный обликъ Россіи обезсмысливаетъ не только столь дорого обошедшуюся эмиграціи борьбу съ большевиками, но и эту упорную подневольную каторжаную работу на Россію, которую изо дня въ день тянутъ всѣ честные совѣтскіе служащіе. Вся эта, какъ бы легальная революціонная дѣятельность не только кончится ничѣмъ, — прахомъ, но больше — пойдетъ на пользу большевикамъ, если она въ послѣднюю минуту не окрылится

духомъ свободы. Весь ростъ Россіи окажется ея разваломъ, если растящѣ новую жизнь люди въ послѣднюю минуту не испугаются того мертвящаго смрада большевиизма, въ который врастаетъ растущая ихъ трудами Россія. Для того же, чтобы эта послѣдняя минута внезапнаго воскресенія практически-хозяйственнаго роста Россіи внутреннимъ, духовнымъ паеосомъ Истины и свободы когда нибудь настала — необходимо, чтобы гдѣ-нибудь жили русскіе люди занятые въ сущности лишь однимъ : неспускаемъ глазъ съ облика въ духѣ — свободной, въ свободѣ — счастливой и въ счастіѣ — духовной Россіи!

Новая жизнь накапливается, сосредотачивается и какъ бы собирается себя заплывать, конечно, не въ эмиграціи, а въ Россіи. Но роль камертона послушная судьбѣ эмиграція сыграть въ рукахъ судьбы можетъ и сыграть должна. Одного Пѣшехоновскаго довѣрія къ строящейся въ Россіи будущей жизни мало; кромѣ него нужна еще вѣра въ вѣчный строй русскаго духа. Задача эмиграціи, конечно не въ восстановленіи проплаго, а въ сбереженіи для будущаго вѣчнаго облика Россіи.

Быть можетъ, эмиграція недостаточно напряженно, любовно и вдумчиво блюдетъ этотъ обликъ, но кое что она все же дѣлаетъ.

Въ эмиграціи работаютъ многие крупные русскіе писатели и поэты, блюды память о добрѣ и правдѣ, т. е. о вѣчности въ старой Россіи, чистоту и мелодь русскаго языка. Въ эмиграціи додумываетъ свои думы изгнанная изъ совѣтской Россіи русская философія, интенсивно работаетъ религіозная и богословская мысль. Въ эмиграціи пересматриваются старыя политическія платформы и позиціи, быть можетъ, вырабатываются и новыя. Своимъ бытіемъ и прежде всего всесословностью и всепартийностью своего состава эмиграція, конечно, свидѣтельствуетъ передъ Европой о гнетущемъ и мертвящемъ духѣ большевицкаго царствования. Все опредѣленнѣе и все любовнѣе повертываясь лицомъ въ Россіи, эмиграція въ послѣдніе годы все ближе подходитъ къ осуществленію своей главной задачи, къ подготовкѣ духовной встрѣчи старой русской культуры съ тою творческой, въ значительной степени быть можетъ катакомбной жизнью на территории С.С.С.Р., которой безусловно суждено сыграть рѣшающую роль въ судьбахъ Россіи. Настоящій, творческій, революціонный процессъ въ Россіи начнется тогда, когда честный и горячій комсомолецъ внезапно пойметъ, до чего большевики изуродовали и обокрали его душу. Необходимость этого момента А. В. Пѣшехоновъ не видитъ и не предчувствуетъ, и потому онъ и не находитъ никакого смысла въ жизни и творствѣ эмигра-

дик. Моментъ же этотъ настанетъ. Потенціально оны уже и сейчасъ присутствуютъ въ душахъ лучшихъ людей подъяремной Россіи. Когда прѣѣзжающіе въ Европу совѣтсепцы иной разъ въ бесѣдѣ невзначай опускаютъ усталые и скорбные глаза — оны въ сущности лишь поднимаютъ ихъ къ вѣчному облику заплеванной большевиками родины.

Для всякаго не соблазненного большевизмомъ сознанія, вся эта роль эмиграціи должна бы быть, думается, вполне ясна.

Въ своей растерянности передъ позиціей А. В. Пѣшехова я отнюдь не утверждаю, что оны дѣйствительно соблазнены духомъ большевизма, но, къ сожалѣнію, не знаю я и того, что мнѣ отвѣчать тѣмъ, которые это утверждаютъ. Знаю я только одно, что этимъ утвержденіямъ долженъ быть со стороны А. В. Пѣшехова и тѣхъ, кто ему близокъ, положенъ конецъ, дабы творческія силы Россіи не растаскивались бы по полюсамъ черной и красной реакціи.

Больше чѣмъ что-либо другое необходимо сейчасъ соблюденіе крѣпкаго мира внаутри широкаго противобольшевицкаго и противореставрацискаго фронта. Чувство этого единства, чувство единства середины должно стать сейчасъ во всѣхъ насъ горячимъ, эксклюзивнымъ и патетическимъ. Всѣ крайности, всѣ страстности мысли и воли должны быть брошены на защиту середины. Такая парадоксальность мироощущенія диктуется сейчасъ всею сложной конъюнктурой и общеевропейской и русской политической жизни.

Внаутри единого, противъ крайностей направленаго фронта могутъ и должны развиваться весьма разнохарактерныя культурно-философскія теченія и политическія направленія, но всѣ они должны ежеминутно чувствовать, что они фронтъ; единый фронтъ защиты свободы противъ пассива, духа противъ крови и національной Россіи противъ интернаціональнаго націонализма и коммунистическаго Интернаціонала.

Федоръ Степунъ.